

Чу Сиянь, придя в себя, осознала, что её ослепила королевская осанка Ван Сюаня, и она выставила себя душой перед публикой. "Ван Сюань, ты безжалостен!" — вскричала она, слёзы катились по её щекам. — "Неужели ты хочешь уничтожить мою семью Чу, лишь потому, что Яньэр не любит тебя?" "Но знаешь что, Яньэр? Даже если ты будешь угрожать мне такими подлыми методами, я всё равно не полюблю тебя. Никогда не выйду за тебя замуж! Прочь с этими мыслями!" Чу Сиянь выплеснула наружу все обиды и горечь, копившиеся в ней эти дни. Её слезливый вид мог растрогать любого талантливую мужчину, не знающего правды. Однако окружающие люди, понимая истину, смотрели на неё с презрением. Что можно сказать о такой женщине, которая не знает своего места? Ван Сюань холодно фыркнул: "Ты много себе позволяешь! Раньше было всё прекрасно. Но даже если ты будешь умолять меня на коленях, я не возьму тебя в жёны. Не думай, что я не в курсе твоих грязных делишек с тем мужчиной! Будучи невестой, ты крутишь роман с другим! Неужели ты считаешь, что мой дворец Чжэньбэй — мягкий персик, который можно просто так грызть?" Чу Сиянь вдруг запаниковала: "Ты... ты... ты говоришь ерунду! Яньэр и господин Линь — чисты, между ними нет ничего неподобающего!" "О?" — усмехнулся Ван Сюань. — "Я даже не назвал имя Линь Аня, а ты сама всё выложила. Неужели ты что-то скрываешь?" Сразу же зашептались и окружающие. "Не может быть! Неужели мисс Чу действительно изменяет с Линь Анем?" "Как такое может быть? Принц даже имени не упомянул, а мисс Чу сама всё выложила. Неужели она что-то скрывает?" "Она такая бессовестная! Видно, как её воспитали в семье Чу!" "Забудь о принце! Даже если ты выйдешь замуж за меня, я отказываюсь!" Чу Сиянь слышала каждое слово, прозвучавшее из уст окружающих, и её глаза мгновенно покраснели: "Ты говоришь неправду! Яньэр ничего не сделала! Линь Ань — просто её близкий друг! Ты ещё мужчина? Как ты смеешь обсуждать такие вещи с женщиной вроде Яньэр? Ты недостойн быть принцем Чжэньбэй!" Чу Сиянь рыдала так, что было жаль её. Хм! Вспомнила, какая ты женщина? А ведь раньше ты клялась, что используешь "Указ о равенстве", изданный императрицей. Что женщины не уступают мужчинам, и у них должны быть одинаковые права. Сейчас же ты заявляешь, что я мужчина, и должен перед тобой, женщиной, уступать! Чем ты отличаешься от тех онлайн-боксеров из твоей прошлой жизни? Тебе всё подавай! Хм! Если бы не необходимость сохранять лицо, Ван Сюань бы связал её и окунул бы в лужу! У Ван Сюаня не было ни малейшего желания разговаривать с этой женщиной, запутавшейся в собственных мыслях. Мощная аура исходила от его тела, и он презрительно бросил: "Достоин ли этот принц быть принцем, решать не тебе! Если бы законы Дацянь не были бы в последнее время так смягчены, то за твоё нынешнее поведение, за неповиновение старшим, даже если бы этот принц убил тебя на месте, никто бы слова не сказал!" Слова застряли в горле Чу Сиянь, её лицо мгновенно побледнело от страха. Она почувствовала, что в следующую секунду Ван Сюань может её изувечить прямо тут. Момент гнева быстро испарился. Чу Сиянь осела на землю, в глазах её стоял страх. "Хм! Невежественная глупышка!" — фыркнул Ван Сюань и, повернувшись, направился в академию. Чу Сиянь не могла поверить. Разве Ван Сюань собирался её убить? Как он посмел? Разве он не боится, что я больше ни за что не заговорю с ним, не обращаю на него внимания? После ухода Ван Сюаня окружающие начали перешептываться, осуждая Чу Сиянь. "Не ожидала, что мисс Чу такая добрая на людях, а наедине такая противная!" "Мой папа прав, не суди о книге по обложке!" "Принца обидели, а эта сучка ещё и притворяется, что её обидели!" Достаточно мерзко. Обида и чувство несправедливости в её сердце росли с каждой секундой. В этот момент в её уши впился резкий голос: "О~ Неужели это дочь Чуду Юйши? И что же она делает, сидит на земле?" "Эй~ Зачем ты так притворяешься? Кто такой невежливый, что мочится перед академией?" Чу Сиянь бушевала от злости. Неужели он думает, что она не поняла? Это насмешка над тем, что она испугалась Ван Сюаня до мочеиспускания. Уже было слишком много насмешек, но этот человек осмелился продолжить? Эти дети из простонародья, похоже, все эти годы учёбы в академии даже имён своих не выучили. Если я не могу управлять Ван Сюанем, неужели я не смогу управлять вами? Чу Сиянь вскочила и, с истерикой, закричала: "Если у тебя есть смелость,

повтори это ещё раз. Посмотрим, кто посмеет публично оскорблять мою семью Чу!"

"Осмелиться оскорбить мою семью Чу, я заставлю тебя заплатить за это!" Её тон был твёрдым и решительным, она была полна решимости излить свой гнев на Ван Сюаня. Некоторые ученики из простой семьи сразу же сбежали. Даже если я не могу с тобой справиться, я же могу тебя избегать?" Семья Чу такая злая. Обычный заместитель цензора имеет такую власть?" — снова раздался неприятный голос. Чу Сиянь с не улыбочивым лицом посмотрела на говорящего:

"Ты..." Когда она увидела лицо говорящего, её слова замолкли. "Говори! Почему ты не продолжаешь?" — осмелся говорящий. — "Мне очень любопытно, какую цену может заставить меня заплатить твоя семья Чу?" Чу Сиянь крепко сжала губы и не сказала ни слова. Она только злобно посмотрела на нее, а потом поспешно убежала. Неужели у мисс Чу доброе сердце? Конечно же нет. Если бы можно было, она бы разорвала рот той женщине, которая её оскорбила. Но она была бессильна. Потому что семейное положение этой женщины было не по зубам их маленькой семье Чу. Увидев, что Чу Сиянь убежала, женщина просто холодно фыркнула. Потом её зелёные глаза устали на уходящую спину Ван Сюаня: "Брат Ван Сюань..." Ван Сюань прямо подошёл к двери канцелярии начальника академии Хуан Фугуя. Он постучал в дверь, и из комнаты раздался ленивый голос: "Кто там?" "Старый Хуан, это твой принц!" Из комнаты раздался звук падения предметов и крики от боли. "Ваше Высочество, хотя твой дворец Чжэньбэй ежегодно жертвует академии 500 000 лянов серебра, но правила есть правила, я не могу идти на уступки!" Хотя он говорил справедливо, Ван Сюань мог услышать в его голосе вину. Он усмехнулся и сказал: "Хорошо, Старый Хуан, я не пришёл просить тебя изменить мои оценки". Как только он договорил, дверь открылась, и сразу же в глаза бросилось пухлое лицо с подозрительным взглядом: "Правда?" Глядя на эту фигуру, на 90% похожую на известного баскетбольного тренера из мультфильма его прошлой жизни, Ван Сюань почувствовал себя лучше. "Правда, оценки менять не надо". Хуан Фугуй радостно улыбнулся: "Ну, надо было так сразу сказать! Я уже не могу нормально спать и есть все эти дни, я много похудел". Ван Сюань посмотрел на его фигуру и не мог не удивиться: что ты имеешь в виду под "много похудел"? Хуан Фугуй уступил ему дорогу и протянул руку, приглашая его внутрь: "Ваше Высочество, заходите к нам на чашечку чая!" Его канцелярия не была большой, даже немного маленькой, и была очень простой. Там стоял только один стол и два стула. Стены были украшены иероглифами, и Ван Сюань знал, что это написал сам Хуан Фугуй. Но самыми привлекательными были шесть больших иероглифов, написанных за его столом: "В книгах — золотой дом". Ван Сюань сел напротив Хуан Фугуя. Хуан Фугуй налил ему чашку чая и спросил: "Зачем Ваше Высочество пришли ко мне?" Он действительно не мог понять, зачем ещё Ван Сюань мог прийти к нему, кроме как для пересмотра результатов экзамена. Ван Сюань взял чашку с чаем, посмотрел на грубый чай, и спросил: "Старый Хуан, ваш чай такой плохой, почему бы вам не подумать о том, чтобы сменить его на что-нибудь получше?" Хуан Фугуй растянул в широкой улыбке губы, показывая ряд грубых желтых зубов: "Ваше Высочество, я родился в бедной семье, я привык пить этот чай, все в порядке". "Неудивительно, что тебя называли "помощником в чайной" — пошутил Ван Сюань. Чай, который продавали на рыночных чайных лавках, был самым низкосортным, так что это очевидно не было комплиментом. Хуан Фугуй не рассердился, а улыбнулся и сказал: "Это комплимент от простых людей". На миг Ван Сюань засомневался, искренне ли он, или просто притворяется спокойным. Он отпил г